

07.00.07 Этнография, этнология и антропология

УДК 811:297.18

DOI 10.22311/2074-1529-2019-15-4-101-114

В. А. Розов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ В КОРАНЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕАРАВИЙСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕТЫРЕХСОГЛАСНЫХ КОРНЕЙ)*

РОЗОВ Владимир Андреевич —

лаборант-исследователь научной лаборатории анализа и моделирования социальных процессов. Санкт-Петербургский государственный университет (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11).

E-mail: vladirozov@yandex.ru

Аннотация. Звуковой символизм является одним из важнейших средств художественной изобразительности и риторических приемов в Коране. На материале слов, образованных от четырехбуквенных корней и относящихся к чрезвычайно архаическому слою лексики арабского языка, в статье рассматриваются идеофоны (слова, выражающие какую-либо идею или передающие определенное впечатление посредством своего звучания) в языке Корана. Также в статье приводится описание их морфологического строения и этимологии. Семантический анализ и классификация идеофонов показывают, что большинство используемых в Коране лексем, образованных от четырехсогласных корней, описывает характеристики движения, звуковые и зрительные ощущения. Состав и богатство звуко-символической лексики в языке Корана отражает нерасчлененную, целостную картину мира, в рамках которой человек не противопоставлял себя окружающей среде и другим живым существам,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-012-00849.

а ощущал себя единым целым с ними. Звуки и явления окружающего мира воспринимались им как олицетворение потусторонних сил и сверхъестественных существ, что определяло сакральный характер описывающей эти явления лексики, ее особую риторическую убедительность и эмоциональное воздействие на слушателей коранического текста. Более того, сопоставление с аналогичными представлениями в рамках других культур позволяет предположить большое значение звуко-символической лексики для формирования перформативной функции коранического текста, который воспринимался как обладающий особой силой воздействия на окружающий мир.

Ключевые слова: Коран, арабский язык, звуковой символизм, идеофоны, ономотопея, картина мира, сакральный язык.

Для цитирования: *Розов В. А.* Звуковой символизм в Коране как отражение древнеаравийской картины мира (на примере четырехгласных корней) // *Ислам в современном мире.* 2019; 4: 101–114;

DOI: 10.22311/2074-1529-2019-15-4-101-114

Статья поступила в редакцию: 01.10.2019

Статья принята к публикации: 30.11.2019

Коран представляет собой уникальный литературно-исторический и религиозный памятник, вобравший в себя все многообразие традиций арабской словесности, бытовавшей во времена жизни пророка Мухаммада и в древности. При этом, будучи в глазах мусульман прямой речью Бога, он считается особым, имеющим божественное происхождение текстом. В качестве сакрального текста Коран отличается ряд особенностей, характерных для этого типа текстов в целом, особенно если принять во внимание его генетическую связь «с соответствующей предисламской традицией»¹. Сакральная и поэтическая речь тесно взаимосвязаны, причем сходство этих двух типов речи прослеживается как с точки зрения формы, отделяющей их от профанной речи посредством рифмы, ритма, метафорического характера высказывания и других приемов художественной выразительности², так и с точки зрения функции. Во многих культурах мира поэтическое слово считается вещим, особо действенным, а социальные функции поэта и шамана часто пересекаются. А поэзия, как и магическая речь, «не столько помогает описать и понять, сколько сопережить (магическая суггестивность поэзии)»³.

¹ Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 114.

² Keane W. Religious language // *Annual Review of Anthropology.* 1997. Vol. 26. P. 49.

³ Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. P. 77.

Одним из наиболее действенных художественных приемов, характерных как для художественной, так и для сакральной речи, является аллитерация. К ней тесно примыкает звуковой символизм, создающийся разными художественными и языковыми средствами, в том числе с помощью идеофонов — слов, которые выражают какую-либо идею или передают определенное чувство за счет своего звучания. Это могут быть как ментальные состояния, так и сенсорные ощущения. Например, посредством идеофонов часто передаются звук (звукоподражание), движение, цвет, форма или действие. Таким образом, этот тип слов представляет собой особого рода словесную имитацию внелингвистических событий или ситуаций. Используя идеофоны, говорящий создает иллюзию того, что описываемое им событие происходит как бы одновременно с моментом его производства / произношения. Таким образом, говорящий превращается в актера, в то время как слушатель, соответственно, становится непосредственным свидетелем события, в большей степени изображаемого, чем описываемого в сообщении¹. Таким образом, можно говорить о мотивированности формы языкового знака, его иконичности². Идеофоны распространены во многих языках мира, однако в западных языках они встречаются довольно редко³.

Значение повторяющихся звуков для создания художественных эффектов в Коране, оказывающих сильное воздействие на слушателей, отмечали многие исследователи, обращавшиеся к изучению Священного писания мусульман. Так, Р. Белл говорил об особой роли ассонансных рифм, обусловленных особенностями морфологии арабского языка, в создании ритмического контура и членении коранического текста на стихи (*айаты*). Риторическое значение аллитерации в Коране также было отмечено в уже ставших классическими исследованиях⁴. Над вопросами звукового символизма в семитских языках, в т. ч. арабском, много работал А. М. Газов-Гинзберг⁵. Из числа недавних работ, специально посвященных звуковому символизму в Коране, необходимо отметить работу египетского исследователя Бахаэддина Абу-л-Хасана Хасана, в которой проводится тщательный анализ звукового символизма в Коране — как в области фоносемантики, так и на уровне

¹ Kilian-Hatz C. Universality and diversity (Ideophones from Baka and Kxoe) // Ideophones. Ed. by F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 155.

² Dingemans M. Advances in the Cross-Linguistic Study of Ideophones // Language and Linguistics Compass. 2012. № 6 /10. P. 657–658.

³ Nuckolls J. B. To Be or Not To Be Ideophonically Impoverished // Texas Linguistic Forum. 2004. № 47. P. 132.

⁴ Bahaa-Eddin A. H. Ideophonic Words in the Holy Quran // International Journal of English Language, Literature and Translation Studies. 2015. Vol. 2. № 3. P. 252–264.

⁵ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). М.: Наука, 1965. 183 с.

морфологии¹. В другой работе приведен список звукоподражательных слов Корана, который сопровождается подсчетом лексических единиц и статистикой их распределения по тексту Корана². Существуют и работы, посвященные художественной роли аллитерации и звукового символизма в отдельных главах (*сурах*) Корана³, а также проблеме адекватной передачи художественного стиля и риторических приемов Корана, обусловленных фонетическими особенностями текста⁴.

Материалы и методы

Морфологическая система арабского языка имеет ряд особенностей, характерных для семитских языков в целом. К этим характерным чертам можно отнести и дискретное строение консонантного корня. Как правило, семитский корень состоит из трех согласных звуков, между которыми вставляются выраженные гласными инфиксы. При этом корень несет основное лексическое значение слова и отличается крайне малой способностью изменяться в процессе деривации, в то время как инфиксы и аффиксы выражают грамматическое значение, участвуя в процессах словообразования и словоизменения. Тем не менее для арабского языка характерны и типы корней, выходящие за рамки этой схемы. К ним относятся, в частности, четырехсогласные (или, как их принято называть в арабистике, четырехбуквенные) корни. Эти корни принадлежат к архаическому слою бедуинской лексики и, по замечанию Б. М. Гранде, часто «передают понятия типа “повторение действия”, “дрожание”, “сверкание”, “беспорядочные действия”»⁵. В этой группе корней можно выделить подгруппу, структура которых отвечает следующей схеме $C_1C_2C_1C_2$, где C_1 и C_2 — разные согласные фонемы. Эти корни часто передают семантику интенсивности или повторяемости действия⁶.

В настоящей статье объектом исследования является реализация словоформ, образованных от описанного выше типа корней, в тексте Корана. В качестве основной гипотезы исследования выступает предположение о том, что словоформы, образованные от корней типа $C_1C_2C_1C_2$, представляют собой специфические средства реализации

¹ *Bahaa-Eddin A. H.* Ideophonic Words in the Holy Quran. P. 252–264.

² *Seyyedi H., Akhlaghi E.* The Study of Onomatopoeia in the Muslims' Holy Write: Quran // *Language in India*. 2013. Vol. 13. № 5. P. 16–24.

³ *Sells M. A.* Sound and Meaning in Surat al-Qaria // *Arabica*. 1993. № 40. P. 403–430.

⁴ *Al-Amri W. B.* Quran Translatability at the Phonic Level // *Perspectives: Studies in Translatology*. 2007. Vol. 15. № 3. P. 159–176.

⁵ Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 52.

⁶ Там же. С. 62.

идеофонического содержания в арабском языке, а их использование в тексте Корана — это осознанный риторический и художественный прием. Для того чтобы доказать это предположение, необходимо решить ряд промежуточных исследовательских задач. В качестве подготовительного этапа исследования необходимо выявить все случаи вхождения словоформ, образованных от этих корней, в текст Корана и установить их принадлежность к классу идеофонов. Далее необходимо провести семантический анализ этих словоформ, опираясь на следующую классификацию значений идеофонов: (1) звуки; (2) характеристики движения; (3) зрительные ощущения; (4) другие чувственные ощущения; (5) эмоциональные и ментальные состояния¹. Конечной целью исследования станет анализ их художественных и риторических функций в Коране.

Результаты исследования

В Коране содержится 37 словоформ, образованных от 15 корней типа $C_1C_2C_1C_2$. При подсчете глаголы в страдательном залоге, а также отглагольные имена (*масдары*) и причастия считались производными от соответствующей исходной глагольной формы и включались в число глагольных лексем. Количественные данные о частоте употребления построенных по типу $C_1C_2C_1C_2$ корней содержатся в табл. 1:

Частота употребления в тексте Корана корней типа $C_1C_2C_1C_2$ Таблица 1

Корень	Лексема	Значение (в тексте Корана)	Употр. в тексте
<i>z-l-z-l</i>	<i>zalzala</i>	трястись, сотрясаться	6
<i>l'-l'</i>	<i>lu'lu'</i>	жемчуг	6
<i>w-s-w-s</i>	<i>waswasa</i>	шептать	5
<i>ṣ-l-ṣ-l</i>	<i>ṣalṣāl</i>	гончарная глина	4
<i>s-l-s-l</i>	<i>silsila</i>	цепь	3
<i>ṣ-r-ṣ-r</i>	<i>ṣarṣar</i>	сильный, пронзительный (о ветре)	3
<i>z-ḥ-z-ḥ</i>	<i>zaḥzaḥa</i>	удалять, устранять	2
<i>ḥ-s-ḥ-s</i>	<i>ḥaṣḥaṣa</i>	становиться явным, обнаруживаться	1
<i>d-m-d-m</i>	<i>damdama</i>	разрушать	1

¹ Dingemans M. Advances in the Cross-Linguistic Study of Ideophones. P. 665.

<i>d-b-d-b</i>	<i>dabdaba</i>	колебаться	1
<i>r-f-r-f</i>	<i>rafraf</i>	подушки	1
<i>ṣ-f-ṣ-f</i>	<i>ṣafṣaf</i>	равнина	1
<i>‘s-‘s</i>	<i>‘as‘asa</i>	наступать (о ночи, темноте); тем- неть	1
<i>k-b-k-b</i>	<i>kabkaba</i>	опрокидывать, переворачивать	1
<i>h-d-h-d</i>	<i>hudhud</i>	удод	1

Приведенный в табл. 1 список показывает, что большая часть корней представлена глагольной и отглагольной лексикой: только от шести корней образованы имена существительные (*lu’lu’, ṣalsāl, silsila, ṣafṣaf rafraf* и *hudhud*) и от одного — имя прилагательное (*ṣarsar*). При этом две лексемы обозначают материал, вещество — *lu’lu’* (жемчуг) и *ṣalsāl* (гончарная глина). Однако этимология этих слов позволяет отнести их к идеофонам. Корень *l-’l-’* несет в себе семантику «быть блестящим», «сверкать»; от него также образован глагол *la’la’a* («блестеть»). Этимология слова *ṣalsāl* восходит к звукоподражательному глаголу *ṣalsala* («звенеть, бряцать»). Как отмечает А. Г. Белова, «первичное значение рассматриваемой основы звукоизобразительного происхождения — это “звучание”... Значение “гончарная глина” — вторично и имеет культурно-историческое происхождение»¹. Установление этимологии слова *hudhud* («удод») также не представляет труда: название птицы, как и в русском языке, восходит к подражанию тем звукам, которые она издает, что позволяет рассматривать это слово в числе идеофонов.

Значение трех оставшихся существительных также позволяет, правда, с некоторыми оговорками, сделать вывод о принадлежности их к числу идеофонов. Тем не менее представляется возможным говорить о наличии иконического компонента в их семантике. Так, от корня *s-l-s-l* зафиксированы следующие производные слова: глагол *salsala* — «лить (воду)», а также прилагательное *salsāl* — «свежий, прохладный (о воде)». В других семитских языках зафиксировано значение корня *ś-l-ś-l* «проскальзывать», «соскальзывать», а также «сучить», «скручивать», в котором «передается конкретно процесс сучения, скатывания между ладонями (или пальцами). Названное глагольное значение эти корни сохранили лишь в сокращенном виде... более распространены имена “крученный шнурок”, “цепочка” (евр., араб., аккад.)»².

¹ Белова А. Г. Этимологический словарь древнеарабской лексики (на материале избранных текстов доисламской поэзии). Вып. II. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 135–136.

² Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? С. 64–65.

Корень *s-f-s-f*, от которого образовано слово *safsaf* («равнина»), можно сопоставить с другим арабским корнем *s-f-h* («быть плоским, растилать плоско»), имеющим звукоизобразительное происхождение и выступающим в нескольких вариантах, в частности, *s-f-ʿ* и *s-f-q*¹. Учитывая то, что некоторые фарингальные согласные выполняют в трехсложных семитских корнях функцию расширителя (т. е. приводят корень к стандартной для семитских языков структуре), «можно сопоставить трехсложный семитский корень... с двухсложным»². Это позволяет с известной долей осторожности отнести и лексему *safsaf* к идеофонам, наряду со словом *rafrac* («подушки»), ключ к семантике которого также находится именно в значении корня. Помимо рассматриваемого слова, от корня *r-f-r-f* образован глагол со значением «распускать крылья», «порхать крыльями» (о птице). В современном литературном арабском языке слово *rafrac* означает «полка», «карниз» или «крыло». Общее историческое значение этого корня — «трепетать», «порхать»³, что дало впоследствии значение «быть расправленным», которое по семантике близко к значению обсуждавшегося корня.

Итак, анализ семантики слов, образованных от корней типа $C_1C_2C_1C_2$, позволяет на материале языка Корана сделать вывод о том, что эта корневая модель действительно является характерной именно для идеофонов. Важность наличия в языке редуцированных форм, способных передавать многократность, длительность изображаемого звука или явления отмечал А. М. Газов-Гинзберг, особенно подчеркивая их «экспрессивный» характер⁴. Иными словами, семантика лексем, которые были образованы от построенных по модели $C_1C_2C_1C_2$ корней, выступает частным случаем проявления иконичности в языковых знаках: форма слов и их звучание обусловлены природой описываемых ими феноменов внешнего мира. Подобные слова обнаруживают иконические свойства как на фонетическом уровне, так и на уровне морфологии, представляя собой, таким образом, один из самых действенных механизмов для вербального описания внеязыковой реальности⁵.

Семантическая классификация используемых в Коране лексем, образованных от корней типа $C_1C_2C_1C_2$, показывает, что большая их часть описывает характеристики движения, либо образована от корней с соответствующей семантикой, в т. ч. на уровне этимологии (см. табл. 2). Важное значение также имеют слова, передающие звуковые и зрительные ощущения. Это соотносится с наблюдением Б. М. Гранде

¹ Белова А. Г. Этимологический словарь древнеарабской лексики. С. 128.

² Там же. С. 129.

³ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? С. 70.

⁴ Там же. С. 99–100.

⁵ Anderson E. R. A Grammar of Iconism. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 1998. P. 256.

о том, что такие корни принадлежат к древнейшему и крайне архаичному пласту арабской бедуинской лексики, поскольку отражают картину мира, характерную для нерасчлененного сознания, в которой важную роль играли именно сенсорные ощущения. Вообще, важно отметить, что богатство звукового символизма — характерная черта языков, носители которых не ощущают своей изолированности и отделенности от природы и других живых существ¹.

Семантическая классификация используемых в Коране лексем, образованных от корней типа C₁C₂C₁C₂ Таблица 2

1	Звуки	<i>waswasa, ʕaʕʕāl, huḥḥud</i>
2	Характеристики движения	<i>zalzala, silsila, zaḥzaḥa, damdama, ḍabḍaba, raḥraḥ, ʕaʕʕaf, kabkaba</i>
3	Зрительные ощущения	<i>lu'lu', 'as'asa</i>
4	Другие чувственные ощущения	<i>ʕarʕar</i>
5	Эмоциональные и ментальные состояния	<i>ḥaḥḥaḥa</i>

Какую функцию выполняют идеофоны в Коране? Во-первых, звуковой символизм является важным художественным и риторическим средством, особенно часто используемым в т. н. «поэтических» сурах, т. е. относящихся к раннему, мекканскому периоду. Повторение звуков *z* и *l* в зачине суры 99 «Землетрясение» создает «великолепное с точки зрения риторики и ритма введение»², передающее дрожание и колебание земли в преддверии Страшного суда³:

(1) *iḍā zulzilati l-arḍi zilzālan*

(1) *Когда сотрясется земля своим сотрясением...* [Коран, 99: 1].

А постоянное повторение глагола *waswasa* («шептать») и отглагольного имени действия *waswās* («шептание», «шепот»), рифмующегося со словом *an-nās* («люди») в суре 114 «Люди», создает чрезвычайно сильный поэтический эффект, изображая наущения шайтана, против которых и направлена эта сура. Такой ономатопоэтический эффект вызван к жизни именно ритмичным повторением глухих фрикативных звуков:

bismillāhi ar-raḥmāni ar-raḥīm

(1) *qul a'ūdū bi rabbi an-nās*

(2) *maliki an-nās*

(3) *ilāhi an-nās*

¹ Nuckolls J. B. To Be or Not To Be Ideophonically Impoverished. P. 133–134.

² The History of the Quran. By T. Noldeke, F. Schwally, G. Bergstrasser, O. Pretzl; ed. and transl. by W. H. Behn. Leiden — Boston: Brill, 2013. P. 82.

³ Русский перевод смыслов Корана приведен по: Коран / пер. смыслов и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 727 с.

(4) *min šarri al-waswāsi al-ḥannās*

(5) *alladī yuwaswisu fī sudūri an-nās*

(6) *min al-jinnati wa an-nās*

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

(1) *Скажи: «Прибегаю к Господу людей,*

(2) *царю людей,*

(3) *Богу людей,*

(4) *от зла наущателя скрывающегося,*

(5) *который наущает груди людей,*

(6) *от джиннов и от людей!» [Коран, 114: 1–6].*

Приведенный выше пример использования звукового символизма в контексте описания сверхъестественных существ не случаен. Особое внимание следует обратить на то значение, которое придавалось звучанию в доисламской Аравии. Как отмечает Г. Ларссон, звуки, вызванные природными явлениями, такими, как гром или ветер, ассоциировались у древних арабов со сверхъестественными существами и потусторонним миром, с чем-то опасным и непредсказуемым: стихийными бедствиями, вызванными Божьим гневом, происками злых сил, небесными карами, иными словами — всем тем, что неподвластно человеку. Такое сопоставление нельзя считать чем-то уникальным для ближневосточной традиции: во многих культурах мира божества ассоциировались с определенными звуками. В качестве примера можно привести индийского бога ветра Ваю и скандинавского бога грома Тора¹. Это определяет особое значение звукосимволической лексикой Корана, которая воспринималась как маркер сакральной, особо действенной, речи, авторитет которой исходит от сил, превышающих мощь человека.

Говоря о звуковом символизме в контексте взаимодействия человека со сверхъестественным, сакральным, необходимо отметить еще один аспект, также проистекающий из свойств архаической картины мира. Язык в рамках нерасчлененного сознания воспринимается как нечто тождественное реальности. Назвать что-либо — значит призвать это в жизнь, сделать реальным, осязаемым. Именно поэтому древнеарабские поэты избегали описывать опасные явления природы, крупных хищников, что, безусловно, было вызвано различными пережитками магических верований². А если формальная сторона слова каким-то образом отображала внешнюю реальность, то такое слово считалось особенно действенным, способным изменять мир. Ведь «изложение текста в архаической культуре является актом не миметическим,

¹ Larsson G. The Sound of Satan: Different Aspects of Whispering in Islamic theology // *Temenos*. 2012. Vol. 48. № 1. P. 52.

² Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. С. 21.

а манифестационным. Повествуемый текст претворяется в особого рода реальность, как бы материализуется»¹.

Аналогичное представление можно найти в рамках индийского культурного ареала в виде такого жанра религиозной речи, как мантра — набора слов и звуков, многократному повторению которых приписывалась способность оказывать влияние на мир. Эта способность была обусловлена именно отношением иконичности между языком и внеязыковой реальностью: мантры изображали процесс творения, при этом элементы космоса отождествлялись со звуками ритуального языка². Мантры, характерной особенностью которых является аллитерация, служат ярким воплощением представления о том, что язык онтологически предшествует миру, а сакральный алфавит и каждая из его букв предшествуют тому, что он называет, не только в речи, но и в действительности³. Учитывая, что ряд сур Корана (например, 111 «Пальмовые волокна» и др⁴.) носят перформативный характер, можно предположить, что звуковой символизм в Коране может выступать и в подобной роли.

Выводы

Таким образом, в языке Корана корни вида $C_1C_2C_1C_2$ (т. е. четырехсогласные корни, построенные путем редупликации двухсогласной ячейки) служат основой для образования идеофонов, или лексических единиц, семантика которых обусловлена звуковым символизмом. Звуковой символизм этих корней представляет собой частный случай проявления иконичности в языке как на уровне фонемного состава, так и в области морфологии. В первом случае звуки языка используются для изображения явлений внешнего мира, в то время как на уровне морфологии редупликация выступает в качестве способа показать длительность или повторяемость описываемого события. Таким образом, внутренняя форма языковых знаков оказывается предопределена свойствами внеязыковой действительности, определяющей в данном случае мотивировку языкового знака.

Это соответствие во многом обусловлено присущей древним арабам архаической картиной мира. В ее рамках особое значение придавалось звукам окружающего мира, а естественным природным

¹ Неклюдов С. Ю. Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: звук, слово, образ / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов; сост. Л. О. Зайонц, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 114.

² Yelle R. A. Explaining Mantras: Ritual, Rhetoric, and the Dream of a Natural Language in Hindu Tantra. London — New-York: Routledge, 2003. P. 37.

³ Ibid. P. 39.

⁴ Розов В. А. Принципы включения фрагментов коранического текста в мусульманскую обрядовую практику // Филологический аспект. 2019. № 2 (46). С. 160.

явлениям — источникам этих звуков — приписывалось сверхъестественное происхождение. Это обуславливает поэтическое и риторическое значение идеофонов в Коране как сакральном тексте, а также, на основании параллелей из других культур, позволяет предположить особую роль звукового символизма в создании перформативной функции коранического текста, в рамках которой текст сакрального Писания воспринимается как перманентно претворяемый в жизнь в момент рецитации и обладающий гигантской созидательной силой.

Литература

Белова А. Г. Этимологический словарь древнеарабской лексики (на материале избранных текстов доисламской поэзии). Вып. II. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 280 с.

Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней). М.: Наука, 1965. 183 с.

Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 594 с.

Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 727 с.

Неклюдов С. Ю. Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: звук, слово, образ / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов; сост. Л. О. Зайонц, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 108–119.

Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 608 с. + 1 л. ил.

Розов В. А. Принципы включения фрагментов коранического текста в мусульманскую обрядовую практику // Филологический аспект. 2019. № 2 (46). С. 155–165.

Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1998. 384 р.

Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 252 с.

Al-Amri W. B. Qur'an Translatability at the Phonic Level // Perspectives: Studies in Translatology, 2007. Vol. 15. № 3. Pp. 159–176.

Anderson E. R. A Grammar of Iconism. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 1998. 399 p.

Bahaa-Eddin A. H. Ideophonic Words in the Holy Quran // International Journal of English Language, Literature and Translation Studies. 2015. Vol. 2. № 3. Pp. 252–264.

Dingemans M. Advances in the Cross-Linguistic Study of Ideophones // *Language and Linguistics Compass*. 2012. № 6 (10). Pp. 654–672.

Kilian-Hatz C. Universality and diversity: Ideophones from Baka and Kxoe // *Ideophones*. Ed. by F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Pp. 155–163.

Larsson G. The Sound of Satan: Different Aspects of Whispering in Islamic theology // *Temenos*. 2012. Vol. 48. № 1. Pp. 49–64.

Nuckolls J. B. To Be or Not To Be Ideophonically Impoverished // *Texas Linguistic Forum*. 2004. № 47. Pp. 131–142.

Sells M. A. Sound and Meaning in Surat al-Qaria // *Arabica*. 1993. № 40. Pp. 403–430.

Seyyedi H., Akhlaghi E. The Study of Onomatopoeia in the Muslims' Holy Write: Qur'an // *Language in India*. 2013. Vol. 13. № 5. Pp. 16–24.

The History of the Quran. By T. Noldeke, F. Schwally, G. Bergstrasser, O. Pretzl; ed. and transl. by W. H. Behn. Leiden — Boston: Brill, 2013. Xxvi + 666 p.

Keane W. Religious language // *Annual Review of Anthropology*. 1997. Vol. 26. Pp. 47–71.

Yelle R. A. Explaining Mantras: Ritual, Rhetoric, and the Dream of a Natural Language in Hindu Tantra. London — New-York: Routledge, 2003. Xv + 187 p.

References

Belova A. G. (2014). *Etimologicheskii slovar drevnearabskoi leksiki (na materiale izbrannykh tekstov doislamskoi poezii)* [Etymological Dictionary of Ancient Arabic Based on Selected Poetic Texts]. Vol. 2. Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN. 280 p. (In Russian)

Gazov-Ginzberg A. M. (1965). *Byl li iazyk izobrazitelen v svoikh istokakh? (svidetelstvo prasemitskogo zapasa kornei)* [Was the Language Pictorial in Its Origins? (Evidence of the Proto-Semitic Stock of Roots)]. Moscow: Nauka. 183 p.

Grande B. M. (1963). *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitelno-istoricheskom osveshchenii* [The Course of Arabic Grammar in Comparative Historical Perspective]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 594 p.

Koran (1986). [The Quran. Transl. and comm by I. Yu. Krachkovskiy]. Moscow: Nauka. 727 p.

Nekliudov S. Iu. (2003). Spetsifika slova i teksta v ustnoi traditsii [Special Features of Words and Texts in Oral Tradition]. In: *Evraziiskoe prostranstvo: zvuk, slovo, obraz*. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury. Pp. 108–119.

Rezvan E. A. (2001). *Koran i ego mir* [The Quran and Its World]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 601 p. + illustrations.

Rozov V. A. (2019). Printcipy vklucheniia fragmentov koranicheskogo teksta v musulmanskuuiu obriadovuiu praktiku [Principles for the Inclusion of the Qur'anic Text Fragments in the Muslim Ritual Practice]. *Filologicheskii aspekt*. No. 2 (46). Pp. 155–165.

Torchinov E. A. (1998). *Religii mira: Opyt zapredelnogo: Psikhotekhnika i transpersonalnye sostoianiia* [Religions of the World: Otherworldly Experience: Psychotechnics and Transpersonal States]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 384 p.

Shidfar B. Ia. (1974). *Obraznaia sistema arabskoi klassicheskoi literatury (VI–XII vv.)* [The System of Images in Arabic Classical Literature (VI–XII Centuries)]. Moscow: Nauka. 252 p.

Al-Amri W. B. (2007). Quran Translatability at the Phonic Level. *Perspectives: Studies in Translatology*. Vol. 15. No. 3. Pp. 159–176.

Anderson E. R. (1998). *A Grammar of Iconism*. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press. 399 p.

Bahaa-Eddin A. H. (2015). Ideophonic Words in the Holy Qur'an. *International Journal of English Language, Literature and Translation Studies*. Vol. 2. No. 3. Pp. 252–264.

Dingemans M. (2012). Advances in the Cross-Linguistic Study of Ideophones. *Language and Linguistics Compass*. No. 6 (10). Pp. 654–672.

Kilian-Hatz C. (2001). Universality and diversity (Ideophones from Baka and Kxoe). *Ideophones*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 155–163.

Larsson G. (2012). The Sound of Satan: Different Aspects of Whispering in Islamic theology. *Temenos*. Vol. 48. No. 1. Pp. 49–64.

Nuckolls J. B. (2004). To Be or Not To Be Ideophonically Impoverished. *Texas Linguistic Forum*. No. 47. Pp. 131–142.

Sells M. A. (1993). Sound and Meaning in Surat al-Qaria. *Arabica*. № 40. Pp. 403–430.

Seyyedi H., Akhlaghi E. (2013). The Study of Onomatopoeia in the Muslims' Holy Write: Quran. *Language in India*. Vol. 13. No. 5. Pp. 16–24.

Noldeke T., Schwally F., Bergstrasser G., Pretzl O. (2013). *The History of the Quran*. Leiden; Boston: Brill, 2013. Xxvi + 666 p.

Keane W. (1997). Religious language. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 2. Pp. 47–71.

Yelle R. A. (2003). *Explaining Mantras: Ritual, Rhetoric, and the Dream of a Natural Language in Hindu Tantra*. London; New-York: Routledge. Xv + 187 p.

SOUND SYMBOLISM IN THE QUR'AN AS A REFLECTION OF THE ANCIENT ARAB WORLDVIEW (ON THE EXAMPLE OF FOUR-CONSONANT ROOTS)

Abstract. Sound symbolism plays an important role for artistic devices and rhetorical techniques of the Qur'an. On the lexical material from four-consonant roots that could be described as an extremely archaic layer of the Arabic vocabulary, the article discusses ideophones (words that express an idea or convey a certain impression through their sound) in the Qur'anic Arabic. The article also describes their morphological structure and etymology of ideophones in the Qur'an. Semantic analysis and classification of these lexical units show that words of the language of the Qur'an, derived from four-consonant roots, dominantly describe the characteristics of movement, sound and visual sensations. The abundant set of sound-symbolic vocabulary in the language of the Qur'an reflects a cohesive, holistic worldview. Within that worldview a human being did not contrast himself with the environment and other living beings, but felt that he was a whole entity with them. He perceived sounds and other phenomena of the surrounding world as manifestations of otherworldly forces and supernatural beings, and this vision determined the sacred nature of the vocabulary that described these phenomena and its special rhetorical persuasiveness, as well as the emotional impact on listeners of the Qur'anic text. Moreover, a comparison with similar phenomena in other cultures allow us to suggest that sound-symbolic vocabulary was of the great importance for creating the performative function of the Qur'anic text, which was perceived as having special power to influence the world.

Keywords. Qur'an, Arabic, sound symbolism, ideophones, onomatopoeia, worldview, sacral language.

Vladimir A. ROZOV,

researcher, Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes,
Saint-Petersburg State University.

(11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).

E-mail: vladirozov@yandex.ru

